

© Т. Е. ВОДОВАТОВА, 2019

Самарский университет государственного управления

«Международный институт рынка»

(Университет «МИР»), Россия

E-mail: vodovatovaimi@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ КАК ФАКТОР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

В статье изучается функционирование речевого жанра «запрет» в двух социальных сферах общения — официально-деловой и бытовой. Методологическую основу изучения составляет положение о взаимовлиянии языковых и социологических явлений. На фактическом материале показывается, что лингвистические признаки речевого жанра «запрет», такие как его формальное выражение и особенности семантики, напрямую зависят от факторов социального порядка, в том числе социальной сферы общения, в рамках которой функционирует жанр.

Ключевые слова: речевой жанр, запрет, языковые средства, семантика, социальная сфера, официально-деловое общение, бытовое общение.

Положение о социальной природе языка лежит в основе современных социолингвистических исследований и проявляется, в числе прочего, во взаимовлиянии языковых и социологических явлений. Как подчеркивают теоретики социолингвистики, расширение предмета лингвистического изучения привело к тому, что возникла необходимость анализа лингвистических понятий с точки зрения ряда гуманитарных наук и прежде всего социологии [6].

Наглядно это утверждение можно продемонстрировать на примере функционирования речевых жанров. Их сугубо языковые признаки, такие как формальное выражение и особенности семантики, напрямую зависят от факторов социального порядка, в том числе социальной сферы общения, в рамках которой функционируют жанры.

Теория речевых жанров в языкознании берет свое начало в трудах отечественного философа, литературоведа, лингвиста М.М. Бахтина, который утверждал, что каждая сфера общения вырабатывает свои «относительно устойчивые типы высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [1]. Языковой основой речевого жанра, как видим, ученый считал высказывание. В этом случае понятие

речевого жанра не различимо с понятием речевого акта Дж. Остина. В современном языкознании рамки языковых единиц, в которых возможна реализация речевого жанра, не определяются столь однозначно. Как указывает В. Е. Гольдин, «понятие жанр речи “втиснуто”, если можно так выразиться, между понятиями речевого акта, текстового типа, тональности общения и некоторыми другими» [4, с. 5].

На наш взгляд, совершенно справедливым является мнение, что речевой жанр вообще не может быть представлен в терминах языковых единиц [2]. В связи с этим представляется вполне оправданным утверждение о том, что «имена речевых ситуаций-событий, коммуникативных поступков, а также имена типовых разновидностей речевых произведений-текстов выступают в роли имен соответствующих жанров» [3, с. 31-32].

Целью настоящей статьи является установление формально-содержательных особенностей речевого жанра «запрет» в двух социальных сферах — официально-деловой и бытовой. Источником фактического материала послужили тексты официально-деловых документов и художественных произведений на английском языке.

Методологической основой настоящей работы является обусловленность особенностей речевого жанра социальными факторами. Социальная природа речевого жанра напрямую вытекает из самого понятия жанра как формы, в которую отливаются погруженные в социальную среду высказывания [5].

Существование речевого жанра «запрет» практически в любой лингвокультуре, в том числе английской, не вызывает сомнений. Он является разновидностью директивных жанров с запрещающей интенцией. Его коммуникативной целью является контроль ситуации — остановить, предотвратить, предупредить нежелательные для адресата и/или адресанта действия [7]. Семантическое пространство запрета составляют три сферы: собственно запрет, разрешение (может быть представлено как тот же запрет делать все, что не разрешено), долженствование (аналогично запрету делать не так, как должно) [7].

Английский язык предоставляет целый ряд средств выражения запрета во всех отмеченных его ипостасях, среди которых выделяем прямые и косвенные средства. Морфологические формы повелительного наклонения — императив, глагол *to do* в отрицательной форме плюс инфинитив, модальные глаголы (*must, can, may, shall*) с отрицанием, перформативные глаголы (*forbid, prohibit*) с инфинитивом. Кроме указанных, напрямую выражающих семантику запрета, используются также косвенные средства, уточняю-

щие, придающие различные оттенки семантике, выраженной прямыми средствами, смягчающие либо усиливающие запрет, интенсификаторы (*by no means, absolutely, possibly, sorry but* и т.д.) и многие другие.

В зависимости от социальных условий, формы и семантика изучаемого жанра варьируются (разумеется, оставаясь в рамках системных характеристик, отмеченных выше).

В настоящей работе мы рассматриваем условия официально-делового и обыденного общения. Свойства названных видов общения определяют особенности функционирующих в их рамках текстов. Так, особенности официально-деловой сферы диктуют такие особенности обслуживающих эту сферу текстов, как объективность, абстрагированный (неличный) характер изложения, точность и однозначность выражений, стандартность речи. Обыденная сфера общения и соответствующие тексты характеризуются, в отличие от предыдущих, эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью; им свойственны также личный характер изложения и возможность множественности трактовок их содержания.

Рассмотрим формально-содержательные свойства речевого жанра «запрет» на конкретных примерах.

Остановимся на функционировании жанра в официально-деловой сфере. Средства выражения запрета в официально-деловых текстах не отличаются разнообразием: используются исключительно конструкции с модальными глаголами *shall, must, may*. Приведем пример:

This section shall not apply to any law or conservation enforcement officer in the performance of his duty.

Приведенное высказывание содержит запрет применять указанный ранее пункт закона (о стрельбе в общественных местах) к сотруднику силовых структур, выполняющему свой служебный долг. Запрет выражен ясно и недвусмысленно, четко обозначены все параметры ситуации запрета: что запрещено (применять указанный пункт закона), по отношению к кому запрещено (к сотрудникам силовых ведомств), при каком условии запрещено (в случае выполнения ими своего служебного долга). Строгость и однозначность запрета подчеркивается контекстом — для этого служит интенсификатор *any*, а также лаконичность и, как следствие, деловитость высказывания.

Названные структурные и семантические свойства речевого жанра «запрет» в тексте отвечают природе официально-делового общения. Преимущественное использование для выражения запре-

та в подобных текстах формы с модальным глаголом *shall* отвечает требованию официально-делового общения к стандартности выражений. Четкость формулировок, связанных с ситуацией запрета, и лаконичность изложения обеспечивают однозначность толкования официально-делового текста.

Таким образом, средства прямого выражения запрета, их взаимодействие с контекстом, содержательные особенности речевого жанра «запрет» являются специфичными для официально-деловых текстов. Эта структурно-семантическая специфика изучаемого жанра полностью отвечает отмеченным выше особенностям данных текстов. В связи с этим приходим к выводу об участии речевого жанра «запрет» в формировании семантического пространства и структурных параметров текста.

Рассмотрим следующий пример функционирования речевого жанра «запрет» в текстах официально-делового характера:

One may not commit any "unnatural acts" with another person.

Высказывание содержит запрет вступать людям в «противоестественные связи». Как видим, для его реализации используется форма, содержащая модальный глагол *may* с инфинитивом, которая, выражая долженствование, передает, следовательно, семантику строгого запрета, ни в коем случае не подлежащего нарушению.

Средства контекста подкрепляют строгость выражаемого запрета. Для этого используется интенсификатор *any*, а также средство выражения безличного характера действия — *one*. Совместное функционирование модальной конструкции и средств контекста обеспечивает выражение строгого запрета, который относится ко всем без исключения людям и ко всем без исключения «противоестественным» контактам.

Безличность изложения, строгость и однозначность формулировок является неотъемлемой чертой официально-делового текста. Это дает нам основания утверждать, что речевой жанр «запрет», функционируя в этом виде текста, способствует формированию его специфических структурно-семантических свойств.

Обратимся к анализу использования речевого жанра «запрет» в бытовой сфере:

"Don't call me that!" Jon said sharply, but the force had gone out of his anger. Suddenly he felt ashamed and guilty. "I never ... I didn't think ..."

Автор приведенного высказывания для выражения запрета (обращаться к нему подобным образом) использует форму отрицательного императива, которая создает семантику строгого запрета. Однако контекст — *felt ashamed and guilty; "I never ... I didn't think ..."* —

значительно смягчает строгость тона. Автор чувствует себя пристыженным; его строгость кажется ему уже излишней. Он пытается объяснить свой запрет, оправдать его, он явно готов извиниться перед собеседником за свой порыв.

В результате, несмотря на использованную в высказывании форму строгого и недвусмысленного запрета, последний носит в целом довольно мягкий характер; совершенно очевидно, что он может быть нарушен и автор запрета даже не будет против этого возражать.

Подобное детализированное, эмоциональное выражение запрета в бытовом общении в полной мере отвечает природе этого вида общения, в связи с чем можно утверждать, что речевой жанр «запрет», функционируя в художественном тексте, реализует особые формально-содержательные признаки и тем самым способствует созданию специфического структурно-семантического пространства текста, отражающего бытовое общение.

Приведем еще пример запрета в бытовой сфере:

Stop it, Thorne. You're frightening the boy.

В реализации речевого жанра «запрет» в данном случае используется форма повелительного наклонения глагола *stop*, которая, благодаря значению глагола и лаконичности выражения, создает семантику строгого запрета. Без контекста эта форма недвусмысленно выражает решительность автора немедленно пресечь нежелательные для него и окружающих действия собеседника.

Однако дальнейший контекст, разъясняющий причины запрета и демонстрирующий эмоциональное состояние автора (действия собеседника могут напугать ребенка, и автор запрета этим очень обеспокоен), сводит строгость запрета практически к нулю. Содержание высказывания с учетом контекста сводится уже не к запрещению действия, а к рекомендации поступать осторожнее и больше считаться с чувствами ребенка.

Способ реализации речевого жанра «запрет», как видим, аналогично предыдущим примерам, соответствует социальной природе сферы общения, в рамках которой используется названный жанр. В данном случае запрет, функционируя в бытовой сфере, выражен детализированно и эмоционально, что определяет его достаточно гибкий характер, вполне предполагающий иное толкование запретительной семантики. В самом деле, примененная в тексте форма запрета логически не исключает и такое разворачивание событий: собеседник может не подчиниться запрету, если сочтет основания автора несущественными, например, нарушит запрет

под предлогом того, что «мальчик нас не слышит» или «мальчик об этом давно знает» и т.п.

Изучение функционирования речевого жанра «запрет» в официально-деловой и бытовой сферах общения позволило прийти к следующим выводам.

Социальная сфера определяет используемые для выражения запрета языковые средства, которые, во взаимодействии с контекстом, порождают специфическую для той или иной сферы семантику. В официально-деловой сфере изучаемый речевой жанр представляет собой строгий запрет, однозначно и четко выраженный, не делающий исключений ни для кого и не подлежащий нарушениям ни при каких условиях или обстоятельствах. В сфере бытового общения запрет выражается менее строго; он не обязательно распространяется на всех без исключения и может быть нарушен, если некие обстоятельства того потребуют.

Таким образом, в проведенном исследовании со всей очевидностью проявляется обусловленность лингвистических явлений социологическими факторами.

Литература

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1996. Т.5: Работы 1940-60 гг. С. 159-206.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
3. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 23-34.
4. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи. Вып. 2. Саратов: Колледж, 1999. С. 4-7.
5. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
7. Русинова Т. В. Особенности функционирования запрета: на материале русского и английского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 219 с.

*Статья поступила в редакцию 17.01.19 г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом Т. П. Карповой*